

Дальше, чем край света

Игорь Митрофанов
Перевод автора

Кто-то ходит под парусом ради побед и рекордов, кто-то хочет испытать себя на прочность, а кто-то — просто отдохнуть. Но всё это не о Бернаре Муатесе. Он жил морем, потому что не мог жить иначе...

Ближе к природе, дальше от цивилизации — этого принципа известный французский яхтсмен старался придерживаться во всем. Во время подготовки к Golden Globe, первой безостановочной кругосветной гонке одиночек 1968 г., гонке, которую считали тогда делом немислимим, Муатесе даже отказался ставить на яхту радиостанцию и генератор, предоставленные организаторами — газетой Sunday Times. Он подавал сигналы проходящим судам по старинке — зеркалом и сигнальными флагами, выстреливал письмами из рогатки и отправлял к берегу самодельные парусники, несущие весточку о нем.

У большинства людей вызывает недоумение тот факт, что Муатесе, практически лидируя в гонке, победа в которой принесла бы ему мировую известность, славу и многие блага, не захотел возвращаться в Европу. Он продолжил путь, направив свой стальной кеч «Joshua» от м. Горн на восток, и пошел в Тихий океан. Как и прежде, в одиночку и без остановок.

Да, это трудно понять. Может быть, узнать этого француза чуть больше помогут несколько эпизодов из воспоминаний самого яхтсмена — отрывков из книги La longue route. Она не была переведена на русский язык, и, надеюсь, выдержки из нее будут интересны читателям.

В начале пути

Я помню лицо Франсуазы, тщетно пытавшейся сдержать слезы. Франсуаза — моя жена. Мне было грустно видеть, как она плачет. «Послушай, мы ведь скоро увидимся! В конце концов, что такое восемь или девять месяцев по масштабам человеческой жизни? Не стоит грустить в такой момент!» Я нестерпимо нуждался в том, чтобы снова ощутить ветер открытого моря. В то время для меня больше ничто не имело значения: ни берег, ни люди. Всё, чего мы с «Joshua» хотели, — остаться наедине. Остальное для нас не существовало — ни в настоящем, ни в прошлом. Вы же не спрашиваете чайку, почему ей нужно время от времени исчезать в открытом море. Она улетает, вот и всё. Это просто, как луч солнца, естественно, как голубое небо.

Эти паруса, поднявшиеся в воздух! Я выберу их втугую, как только мы обогнем волнорез. Со скрипом шкотовых лебедок и журчанием воды за бортом «Joshua» наберет ход и начнет оживать...

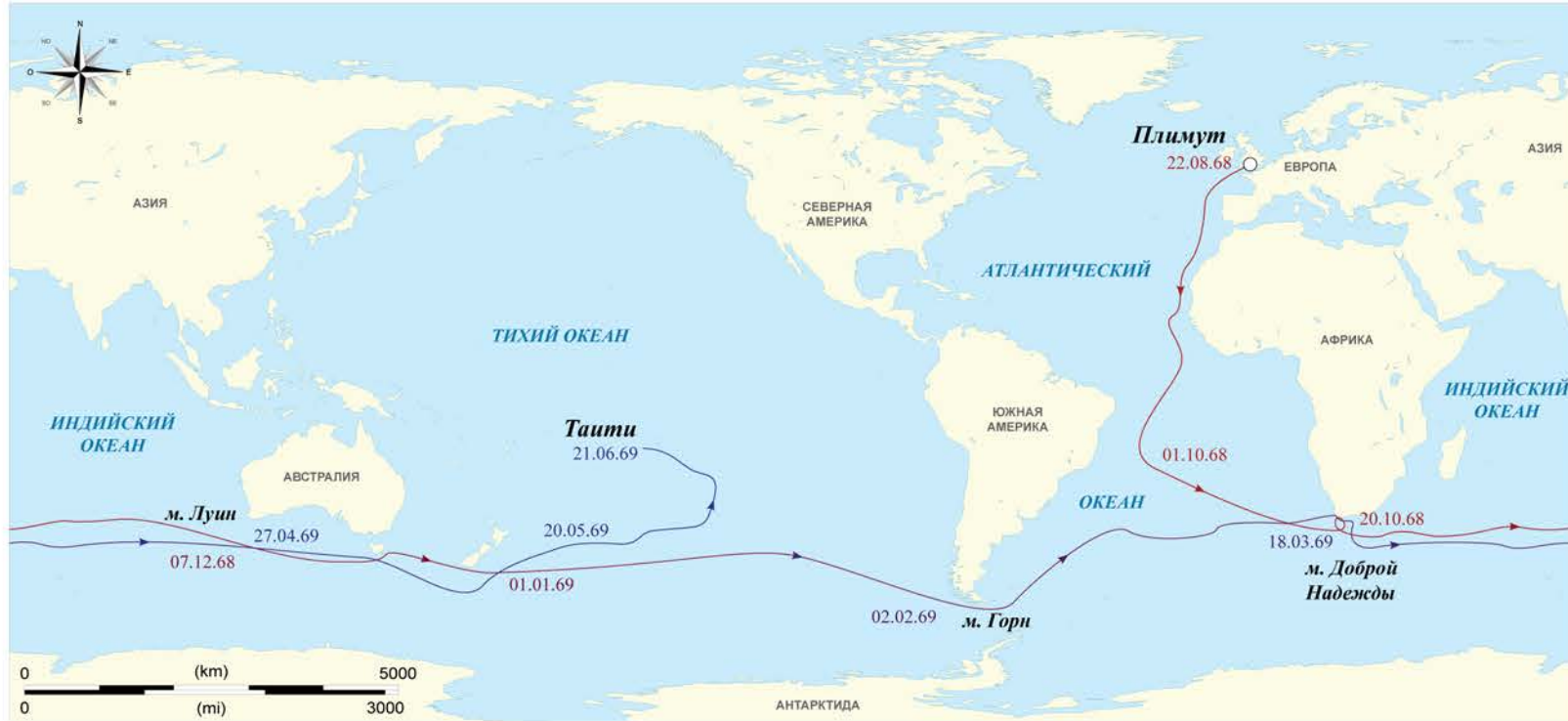
Те, кто не знает, что парусная лодка — живое существо, никогда не поймут яхты и море.

Победа и поражение

Черное грузовое судно — менее чем в 25 м справа. Трое мужчин смотрят на меня с мостика. Хлоп! — моя записка в банке из-под фотопленки приземляется у них на баке. Один из офицеров крутит пальцем у виска, видимо, имея в виду, что я немного спятил, раз стреляю в них из рогатки.

Поравнявшись с мостиком, я кричу: «Записка! Записка!» Они просто смотрят на меня круглыми глазами. С такого расстояния я мог бы сбить с них фуражки тремя выстрелами, будь у меня свинцовые шарики. В детстве я тренировался стрелять из рогатки, сбивая консервную банку, которую подбрасывал в воздух один из моих братьев. А с рогаткой — примерно как с велосипедом: научившись раз, не теряешь хватку никогда. И все же я не решаюсь выстрелить на мостик копией записки, ведь банки из-под фотопленки гораздо менее точно попадают в цель, чем свинцовые шарики: я мог бы разбить окно или задеть человека.

Мостик проходит мимо, надо быстро спасать ситуацию. Я размахиваю пакетом (с документами для отправки в Sunday Times. — Прим. перев.) и показываю жестом,

Маршрут плавания Бернара Муатесье на яхте «Joshua» в 1968–69 гг.

что хочу его отдать. Офицер понимающе машет рукой и поворачивает руль, приближая ко мне корму. Через несколько секунд до верхней палубы остается около 10 м. Я бросаю пакет. Отлично!

Пора уходить в сторону, но я допускаю серьезную ошибку, бросая второй пакет, вместо того чтобы бежать к румпелю и отворачивать. Теперь уже слишком поздно. Корма грузового судна продолжает разворачиваться в мою сторону. Что еще хуже, она закрыла мои паруса от ветра.

«Joshua» начал уходить в сторону, но недостаточно быстро. Край свеса кормы задевает грот-мачту. Раздаются ужасные звуки, и дождь из черной краски падает на палубу. Отрывается топ-ванта, потом средняя ванта. У меня внутри все переворачивается. От толчка «Joshua» кренится, приводится в сторону судна, и — бах! — бушприт сгибается на 20 градусов. Я в оцепенении.

Вот и всё, черное чудовище прошло мимо. Я быстро поворачиваю через фордевинд и ложусь в дрейф. Сейчас это главное, ведь нужно спокойно заняться ремонтом.

На грузовом судне забеспокоились и изменили курс. Я показал жестами, что всё в порядке: если бы они вернулись, чтобы помочь, они бы точно меня прикончили!

Почтовые корабрики

Мыс Луин остается в 450 милях к северу, и «Joshua» только что пересек 42-ю параллель. Теперь не должно быть нехватки ветра.

Я достал генеральную карту юга Австралии от м. Луин до Тасмании. У меня перед глазами раскинулся весь материк с его побережьем, сотнями небольших островков в Большом Австралийском заливе, Бассовым проливом все еще далеко впереди и маленькими солеными озерами без выхода к морю.

Достал и крупномасштабные карты. Мудрым, по-настоящему мудрым решением было бы выбросить их все за борт и тем самым избежать искушения подойти ближе к берегу, чтобы передать весточку о себе через случайное судно или рыбаков. В Бассовом проливе я бы точно кого-нибудь встретил, но только ценой изматывающего прибрежного плавания среди течений и скал, не говоря уже о риске тумана, играющего на нервах. Мне бы хотелось сообщить семье и друзьям, что со мной все хорошо, рассказать им о птицах и дельфинах, ветрах и штормах. Но я помню и о маленьком черном грузовом судне. Так что продолжается вечная борьба между осторожностью и великой силой, объединяющей людей. <...>

140, 110, потом 123 мили в день, сегодня ненадолго выглянуло солнце. Я доделал две маленькие парусные лодки, которые строил во время долгого шторма, проведенного в компании птиц. Модель покрупнее — четырехфутовый катамаран из двух кусков пурау, необычайно легкой древесины, которая валялась в форпике еще с тех времен, когда я был на Таити. У этой лодки черный прямой парус, заметный издали, и белый стаксель с написанным

на нем «посланием». Вторая модель — двухфутовый кеч из пенопласта, зажатого между двумя фанерными листами. У него весьма неплохие обводы, топовый стаксель и свинцовый киль, так что он не может перевернуться. К палубе каждой лодки я прикрепил по пластиковой бутылке, в каждую вложил выдержки из судового журнала и записку. В ней я желал счастливого Нового года тому, кто найдет послание, и просил отправить мое письмо. Жить было бы довольно грустно, если бы никто не верил в Санта-Клауса хотя бы иногда.

Без компаса в море

Когда во времена моего детства в Индокитае я ходил под парусом с рыбаками в Сиамском заливе, тайконг (шкипер в Юго-Восточной Азии. — Прим. перев.) мог сказать мне примерно так: «Держи волну в двух пальцах от раковины, и ты должен будешь всегда чувствовать ветер за левым ухом, когда смотришь вперед. Когда луна будет в одной большой и одной малой ладони от горизонта, или когда вон та звезда будет на расстоянии одной руки с другой стороны (если луну закроет облако), море станет светиться

чуть сильнее. Тогда мы почти дойдем до подветренной стороны острова, где первый раз закинем удочки».

На джонках в Сиамском заливе не было компаса, и я не хотел использовать его во время путешествий по Средиземному морю с учениками из моей яхтенной школы. Вместо того чтобы при переходе из материковой Франции на Корсику идти курсом 110 градусов, моей команде надо было принимать волну мистрала чуть дальше левой раковины. Ночью Полярная звезда должна была оставаться в одной малой ладони позади траверза по левому борту. Если же не получалось увидеть ни точное направление волны, ни звезду, мы обходились тем, что есть. Я хотел, чтобы все было именно так, ведь концентрация на намагниченной игле отвлекает человека от реальной видимой и невидимой вселенной, по которой движется парусная лодка.

Поначалу члены команды не могли понять моего настойчивого желания отказаться от компаса, этого бога западного мира. Но зато потом они научились слышать, как небо и море общаются с лодкой. А когда на горизонте в голубой дымке показалась земля, окутанная тайной, как во времена древних мореплавателей, часть команды почувствовала, что наша точная техника все же не должна закрывать дверь перед теми богами, которых современный мир так упорно не хочет замечать.

Тряпчатая метеостанция

Как долго у моих родных и друзей не было новостей обо мне? Отправило ли маленькое черное грузовое судно тот пакет с м. Доброй Надежды? Понятия не имею. К тому же я не получал никаких известий о товарищах по гонке. И все-таки я счастлив, что провел эти четыре месяца в одиночестве на своей лодке.

Наедине с облаками и волнами, солнцем и звездами, морскими ориентирами повсюду и нигде. Примерно как одинокая чайка, которую я кормил паштетом из банки сегодня утром. Или вчера утром? Я не могу точно вспомнить и просто слушаю шум воды, струящейся вдоль борта. Утром чайка села на воду недалеко от кормы. Ее перья светились охрой в лучах восходящего солнца. Так же садились три буревестника, которых мне почти удалось погладить однажды вечером. Когда это было? Две недели назад? Два месяца? Я уже не знаю, да это и неважно. Знаю только, что это меня согревает и будет согревать потом.

Четыре месяца остались за кормой. Это могла быть неделя или год — я бы не ощутил разницы, время изменило свою форму. <...>

Сегодня утром я постирал в ведре тряпку для мытья посуды. Как оказалось, зря. Эта тряпка, которую я последний раз стирал во время атлантических штилей, помогала предсказывать изменения погоды, после того как у меня перестала болеть поясница при повышении влажности воздуха. Если тряпку можно было поставить, значит воздух был сухим и я мог какое-то время рассчитывать на устойчивый юго-западный ветер с относительно хорошей и в основном ясной погодой, не считая безобидных перистых и круглых кучевых облаков. Когда тряпка стояла чуть менее жестко, почти всегда это предвещало заход ветра к западу, который сопровождается небольшим повышением влажности. Если же моя тряпка выглядела дряблой и обвисшей, как будто ей вытерли все грехи мира, можно было ожидать северных ветров с дождевыми облаками.

Сейчас тряпка сохнет, весело болтаясь на шести прищепках. Впрочем, неважно: мой стеганный костюм

предупреждает меня о погоде примерно так же. Хотя и не идет ни в какое сравнение с тряпкой в ее лучшие времена.

До конца — и дальше

Я слушаю звуки воды, читаю, лениво занимаюсь мелкими делами, много сплю. Но я постоянно прислушиваюсь к воде, когда работаю, сплю или бездельничаю. Стрелка барометра падает, но это не имеет значения: все в порядке, все встало на свои места.

Неделю назад «Joshua» снова пересек ту же долготу, на которой был 29 сентября. Тогда он направлялся к м. Доброй Надежды, чтобы совершить кругосветное плавание. Сейчас он совершил его и снова идет к м. Доброй Надежды.

Он обошел вокруг земного шара... Но так ли это важно, если горизонт бесконечен? Кругосветка — это дальше, чем край света: она размером с саму жизнь, а может быть, даже больше. Когда это чувствуешь, голова начинает

кружиться, и становится немного страшно. Но в то же время ты ощущаешь то, что... Я не знаю... Дальше, чем край света. <...>

Я переносу паруса на правый борт и подхожу к танкеру, стоящему на якоре в бухте. Хлоп! — на его мостик падает выпущенная из рогатки записка для Роберта из Sunday Times: «Дорогой Роберт! Мыс Горн пройден 5 февраля, сегодня 18 марта. Я продолжаю безостановочное плавание к тихоокеанским островам, потому что счастлив в море и, возможно, для того, чтобы спасти свою душу».

В тот раз «Joshua» преодолел 37455 морских миль. Со своей любимой яхтой Бернар Муатесье расстался в 1982 г. В 1990 г. французский Национальный морской музей выкупил и отреставрировал ее.

Великий французский яхтсмен умер 16 июня 1994 г. В его завещании было озвучено желание, чтобы «Joshua» продолжал выходить в море. Его исполняют до сих пор!

